

УДК 123.1: 130.121

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ КАК ПОЗНАННОЙ СЛУЧАЙНОСТИ В РАМКАХ ЗАКОНОМЕРНОСТИ: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Бусов Сергей Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики. E-mail: swbusoff@mail.ru

Свобода в синергетическом смысле определена как специфический аналог случайности, как фактор, меняющий соотношение эволюционных возможностей системы. Свобода возникает лишь в условиях суперотбора, то есть в условиях контроля со стороны субъекта за многообразием форм отбора, в конечном счете, за ходом социальной эволюции. Проблема статьи частично сводится к позиции, которая вызывает дискуссии о свободе как познанной случайности. Возник новый, более сложный, уровень свободы как познанной случайности, который предполагает и новый уровень ответственности – за отбор. В этой связи становится актуальным синергетическое требование к субъекту выбора, который получает потребный результат, лишь совершая «определенный укол среды в надлежащих местах и в определенное время» (С. П. Хурдюмов, Е. Н. Князева). Ответственность за отбор, или свобода как познанная случайность, предполагает создание такой организации общественного производства, которая позволяет в контексте социального развития предвидеть и исключать опасные случайности (тяжелые кризисы, войны и катастрофы). Задача, поставленная нами в статье, свелась к тому, чтобы показать, что ответственность за выбор (свобода как познанная необходимость) сводится к ответственности за отбор (свобода как познанная случайность). Выводом исследования может быть обнаружение особой ценности высшей свободы и проистекающей из нее ответственности.

Ключевые слова: свобода, необходимость, случайность, эволюция, общественное производство, выбор, социальный отбор, суперотбор, суператтрактор.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-258-265

С точки зрения петербургской школы социальной синергетики (школы В. П. Бранского), исследование проблемы свободы (и ответственности) занимает одно из центральных мест в современной философии; эта проблема также важна для социальной синергетики, она стягивает в единый узел как методологический, так и теоретический аспекты петербургской школы, к которой имеет непосредственное отношение и автор данной статьи.

Если взглянуть на историю проблемы свободы, то оказывается, что Античность не воспринимала ее как теоретическую. Эта ситуация сохранялась вплоть до Нового времени (Р. Декарт, Б. Спиноза, Д. Локк), до И. Канта. Ныне, в рамках социальной синергетики, проблема свободы раскрылась во всей своей полноте и перспективе. В социуме как процессе производства и воспроиз-

водства общества фундаментальным является соотношение социального хаоса и порядка. При этом социальная самоорганизация имеет определенную направленность. Возникает вопрос: обостряется или сглаживается противоречие между социальным хаосом и социальным порядком в процессе эволюции социума? Чтобы это понять, надо разобраться с проблемой свободы и, особенно, с соотношением свободы и ответственности.

Свобода в обществе имеет прямое отношение к механизму *суперотбора* – отбора самих факторов отбора [1, с. 23]. Речь идет о контроле за разными механизмами отбора со стороны субъекта. Существующие варианты отбора снимаются механизмом *социального отбора*: снятие как творческое преобразование через отрицание и преемственность старых способов отбора, в гегелевском смысле, это и есть суперотбор. Социальный отбор может быть полностью выражен через понятие *сферы* общественного производства, поскольку является выражением единства механизмов производства, распределения, обмена и потребления сферных ресурсов, включающих вещи, организации, информацию и людей [2, с. 46-47]. В общесоциологической теории по-прежнему остаются в тени следующие проблемы: как образовались сферы общественного производства? Почему их четыре, а не больше или меньше? Почему следует в феноменологическом многообразии общественной жизни выделять именно эти четыре всеобщих ресурса (люди, информация, организации, вещи), имеют ли они под собой реальные, онтологические основания? Как интерпретировать основные процессы (фазы) воспроизводства (производство–распределение–обмен–потребление) с точки зрения концепции социального отбора? Обоснованно ли придавать этим экономическим категориям общий социально-философский статус? Вполне правомерен и такой вопрос: существуют ли общие принципы, управляющие самоорганизацией, относительно независимо от природы отдельных частей социума?

Общество – сложная, открытая система, подчиненная нелинейным, стохастическим закономерностям. Все в обществе – и структура, и способы функционирования, и формы организаций – это

результат эволюции и следствие отбора, как социального, так и естественного. Недостаточно еще изучен механизм социального отбора, его вероятностный характер (хотя здесь есть определенные успехи, например, работы по синергетическим проблемам социальной эволюции).

Прежде чем анализировать возможные экстраполяции синергетического подхода с области естественных наук в область наук социальных, приведем одну из иллюстраций, характеризующую случившийся *парадигмальный* сдвиг, охвативший все научное знание, включая философию. Представим себе сосуд, разделенный надвое перегородкой и заполненный соответственно красной и белой жидкостями. Стоит нам убрать перегородку, как жидкости смешаются; вероятность того, что они вернут прежний вид, «почти равна нулю» (согласно Л. Больцману). Перед нами типичная картина необратимых процессов в *изолированной* системе. Но есть в природе ситуации, где происходят процессы, обозначенные И. Пригожиным как «порядок через флуктуации». Известная в рамках нелинейной термодинамики «реакция Белоусова-Жаботинского» иллюстрирует поведение осциллирующей структуры – «диссипативной структуры» (И. Пригожин), «производящей энтропию», экспортирующей ее вовне и одновременно получающей извне вещество и энергию, необходимые для повторения циклов своего функционирования [3, с. 208]. Как видим, сущность вопроса – в характере обмена со средой и в уровне самоорганизации *открытой* системы, которая способна строго периодически, если речь идет о процессах, связанных с простыми аттракторами, менять состояния, переходить от одного состояния (хаос) к другому (порядок) и обратно.

Очевидно, что вполне допустима отдаленная, не прямая, а сложно опосредствованная, аналогия осциллирующего сосуда с человеческим обществом, которое живет («осциллирует») лишь до тех пор, пока оно связано с окружающей средой и обменивается с ней веществом, энергией и информацией. Более того, столь же очевидно, что эволюционирует не только общество, но и окружающая среда, а также сам способ обмена. Общество как диссипативная структура является открытой и сложно функционирующей системой, требующей все более совершенного обмена со средой. Теперь нас окружает уже не дикая природа, как сотни тысяч лет назад, а преобразованное культурное пространство, подверженное глобализации.

Поскольку мир есть система систем, то среда, представленная разноуровневыми по сложности системами (Метагалактика – Млечный путь – Солнечная система – Земля – биосфера и т.д.), определяет траекторию социума и человека в «фа-

зовом пространстве» универсальной эволюции. Механизм такого отбора можно назвать естественным. Когда же система, назовем ее социальной, сама пытается заниматься отбором и в условиях свободы совершает *выбор*, то неизбежно возникает надстройка над механизмом естественного отбора: это уже суперотбор. Впрочем, элементы суперотбора, или отбора факторов отбора, возникали всегда, когда происходили существенные качественные скачки, «сдвиги симметрии», переходы, усложнения и возвышения уровней организации материальных систем. Наблюдается коэволюционный процесс, где присутствует не только «эволюция порядка», но и «эволюция хаоса». В условиях суперотбора происходят переходы этих противоположностей друг в друга: в этом, собственно, суть самоорганизации.

Возникновение суперотбора, в частности, общественного производства или социального отбора по отношению ко всем прочим способам отбора, определяет и возникновение *суператтрактора* [4, с. 30–31], который на начальных этапах может представлять собой «облако вероятностей», но в процессе прогрессивного развития социума это «облако» «рассеивается» и обратно активно влияет на эволюционный процесс. Например, академик П. К. Анохин считает, что результат имеет императивное влияние на систему [5]). Однако суператтрактор не есть цель мировой истории в гегелевском или ином значении, а, скорее, является смыслом истории (или тем результатом, асимптотическое приближение к которому определяет смысл мировой истории). Суператтрактор формируется в процессе функционирования общественного производства, точнее, в процессе исторической активности субъектов, производящих свободный выбор. Отсюда очевидно, что суператтрактор не отрицает многообразия возможных вариантов эволюционного пути человечества, а, напротив, предполагает их множество. Так, в человеке заложена возможность сверхчеловека, а в антропогенезе – возможность суперменеза, однако такие возможности, как правило, не реализуются за конечное число шагов: способ их реализации напоминает асимптотическую кривую, бесконечно приближающуюся к сингулярной точке, но никогда ее не достигающую.

Свобода в синергетическом смысле выступает специфическим аналогом случайности, т.е. это фактор, меняющий соотношение эволюционных возможностей системы. Контролировать случайности напрямую (непосредственно) трудно, точнее, невозможно, поскольку будущее неопределенно, но контроль можно осуществлять *сложно опосредованно*, через посредство сложной организационной структуры общественного про-

изводства. Известно методологическое высказывание К. Маркса, согласно которому «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны» (простое *через* сложное). Простой отбор действует на базе действительных предпосылок, что неизбежно оказывает влияние на суперотбор, иными словами, простой отбор становится суперотбором, когда его действия затрагивают структуру глубинных возможностей эволюции системы.

Отбор «производит» случайность, это известно еще из работ Дарвина. Однако понимание отбора как механизма эволюции с тех пор значительно усложнилось. Для Дарвина характерно представление об отборе как «переборе» действительно сущего, тогда как современное синергетическое понимание основано на представлении об отборе как отборе сущего в возможности (отбор возможностей). Так, в магазине человек выбирает, положим, не платья, а возможности своего дальнейшего пути, связанного с покупкой того или иного платья. А если рассуждать в контексте общесоциологической теории, то платье – это *вещная* предпосылка, которая соединяется с другими сферными предпосылками (*организационно-финансовой, информационной* и собственно человеческой, *людской*), чтобы воспроизвести человека – субъекта покупки. Своим выбором человек заводит некий, порой скрытый от его сознания механизм отбора, определяющий траекторию его дальнейшей эволюции в социуме и в мире. Это пример незначительного, обыденного поступка, но есть в жизни поступки, которые носят судьбоносный характер: они все имеют сходную структуру.

Свобода в контексте общественного производства в полной мере выражает процесс социальной самоорганизации. Здесь я позволю себе полемику с Т. Г. Черновой, автором статьи «О соотношении свободы и необходимости». «Человеческая история, – пишет она, – это не “царство случайности” <...> а объективный, закономерный процесс, процесс развития родовой и индивидуальной сущности человека. Человек сам творит свою историю...» [6, с. 21]. История, действительно, не есть ни «царство случайности», ни «царство необходимости». Уже Гегель отказался от столь одностороннего взгляда на историю. Маркс и Энгельс материалистически обогатили гегелевские представления, однако они также не преодолели известную «линейность» исторического мышления. «Не может первобытный человек создать компьютер, поэтому совершенно *не случайно* (курсив мой. – С. Б.) он начинает осваивать простые механические силы природы...» [6, с. 22] – пишет Т. Г. Чернова. В отношении первобытного освоения природы человеком точнее было бы

сказать «*по необходимости*», что *совершенно* не значит: *в отсутствии случайностей*. Сказанное Т. Г. Черновой нельзя назвать только стилистической особенностью подачи мысли, в этом кроется смысл, с которым нельзя согласиться. Речь о том, что субъективный выбор нередко приводит в действие сложный и часто скрытый от глаз механизм производства и воспроизводства жизни индивида и социума. Так что говорить об отсутствии здесь случайностей, часто фатальных, не приходится, поскольку речь идет порой о существенном изменении соотношения вероятностей.

Свободу можно определить метафорически как «дитя самоорганизации», то хаос, то порядок, по выражению В. П. Бранского, «игра в бисер». Но в контексте исторического развития в рамках общественного производства по необходимости возникает некий новый организационный уровень свободы – ответственность, которая достраивает свободу до уровня «познанной случайности в рамках данной закономерности» [7, с. 569]. Почему же «*по необходимости*»? Потому что самоорганизация – это всеобщий способ существования (эволюции) всех открытых систем в нашей Вселенной, а тем более сложных систем. В условиях социальной самоорганизации популяции антропоидов при возникновении предпосылок свободного выбора (об этом можно много говорить) неизбежно возникает и особый уровень свободы – ответственность. По мнению В. П. Бранского, «существуют два альтернативных и одинаково ошибочных представления о свободе – “познанная необходимость” (фатализм) и безответственный произвол (волонтаризм)» [7, с. 569]. В трактовке «ошибочности» формулировки свободы как «познанной необходимости» я не согласен с проф. В. П. Бранским, однако согласен с дальнейшим ходом его мысли. Он пишет: «Реальная свобода человека есть возможность сознательного самопроизвольного выбора из множества действий, допускаемых некоторым законом (классический пример: стрельба в цель, где стрелок “свободен” в том или ином попадании в цель, ибо, при прочих равных условиях, он имеет возможность выбрать одно из множества движений пули, допускаемых законом баллистического движения). Поэтому свободу можно также определить как “познанную случайность в рамках данной закономерности”. Но это лишь начальная ступень в понимании свободы (относительная свобода)». И далее: «...свобода подвержена развитию. Человек может нейтрализовать действие закономерности, ограничивающей свободу выбора, действием другой закономерности» [7, с. 569]. «Таким образом, – заключает В. П. Бранский, – познание закономерности (“не-

обходимости») – это не свобода, а необходимое условие для существования свободы» [7, с. 569]. Трудно не согласиться с подобным выводом.

Справедливо критикуя статью Р. С. Гаджиева «Свобода как познанная случайность», опубликованную в «Вестнике Пермского университета» за 2013 г., за случайное использование «случайности» в определении свободы, Т. Г. Чернова «вместе с водой выплеснула ребенка», а именно подвергла сомнению саму формулировку «свободы как познанной случайности». Лишь в трудах петербургской школы социальной синергетики (и нигде более!) эта формулировка получила достаточное теоретическое и методологическое обоснование, а потому остается «новым словом в философии». Критикуя положения статьи Р. С. Гаджиева, который, кстати, ни разу не процитировал труды В. П. Бранского, где дана аутентичная формулировка свободы, Т. Г. Чернова невольно отнесла смысл вышеозначенной формулировки к «философии жизни» и к экзистенциализму, что весьма сомнительно.

Если обратиться к изложению мыслей о свободе Хайдеггера и ряда других представителей экзистенциализма, то оказывается, что общей идеей для большинства из них является идея *выбора* – выбора человеком себя, своей сущности, своего проекта, самой своей свободы, на которую человек «обречен», а также мира, в котором ему жить. Экзистенциалистский выбор всегда осуществляется на фоне чего-то – ничто, абсурд, бог, время, смерть, поэтому рассматривается как ответственный акт переживания. У Сартра проскользнуло выражение «умершие нас выбирают, но и мы выбираем умерших» [8, с. 552]. Это характеризует основной принцип его философии как принцип «экзистенциального единства мира» (явно в противовес энгельсовскому принципу «материального единства мира»). Так, говорится о трансцендентальности выбора, подчеркивается, что внешнее есть проекция внутреннего (субъективного, по Канту) и тем самым признается своеобразная (экзистенциальная) связь человека и мира, или отсутствие абсолютно изолированной субъективности. Такая изолированность, по Сартру, иллюзорна, поскольку человеком часто управляет страх смерти [8, с. 552]. Человек как «окно в бытии» (Хайдеггер) или как «дыра в бытии» (Сартр) есть явная прокламация наличия тесной связи между выбором и отбором, точнее, сведение отбора к выбору, а выбора к отбору, что, с точки зрения нашей интерпретации этих терминов, ошибочно. Можно было бы отнести, например, концепцию Сартра к солипсизму. Однако его солипсизм не наивен, и не только потому, что Сартр иррационально

отрицает случайность как свойство, приписываемое только внешнему миру, наличие которого для него неоспоримо, а потому, что утверждает «экзистенциальную» связь между явлениями, а всякую иную «необходимую» связь не признает, поскольку рациональный опыт для него – фикция. С нашей точки зрения, случайность совпадает не с выбором, а с отбором, потому свобода всегда относительна, но никогда не абсолютна. Отсюда выходит, что увлечение «случайностью» не присуще экзистенциалистам, как это вытекает из рассуждений Т. Г. Черновой, поскольку они, почти все, антиэволюционисты. А формулировка «свободы как *познанной* случайности» оригинальна лишь в рамках петербургской школы социальной синергетики и, пожалуй, нигде более.

Когда мы рассматриваем конкретный процесс, то придаем ему значение эволюции, скажем, в дарвиновском понимании. Все открытия Дарвина представляют собой феноменологические закономерности. Переход, в свою очередь, к теории самоорганизации связан с углублением дарвинизма до уровня эссенциологии (учения о сущности), поскольку налицо законы сущностного уровня – генные механизмы кодирования и самокодирования органических систем, а главное, закономерности самоорганизации (теория неравновесной термодинамики и синергетика). Смысл сказанного в том, что отбор в теории самоорганизации – это отбор *возможных* диссипативных структур как вариантов путей дальнейшей эволюции. Означенная вариативность предполагает в качестве субстрата эволюции уже не отдельные особи (дарвиновский подход), а популяцию как множество особей в биоценозе (современная теория эволюции). Впрочем, и это не предел. Законы самоорганизации также являются феноменологическими, но уже по отношению к более глубоким структурным уровням материального мира и законам его эволюции. На данный момент мы многого не знаем о самой самоорганизации; отсюда множество парадоксов – из-за недостаточно развитой синергетической методологии в условиях постоянно расширяющейся предметной области исследований. Так, мы не знаем, почему имеет место *когерентность* поведения элементов в открытых системах, т.е. нет определенности в описании глобальных, более общих законов, управляющих когерентностью (синергией) на локальном уровне. Как писал академик Н. Н. Моисеев, мы можем делать лишь эмпирические обобщения [9, с. 62–63], которые на роль законов претендовать не могут из-за своей неполноты. Эссенциология – это та же феноменология, но уже в отношении другого уровня и порядка. Как утверждал Гегель в

системе диалектической логики: последующее есть истина предыдущего, так и в синергетической теории должен быть переход от явления к сущности и далее: от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т.д.

Социум на уровне феноменологии – это процессы наблюдаемые, где мы фиксируем самое важное, что происходит в соответствии с теорией самоорганизации, из чего на следующем этапе теоретического анализа возникает сущностная развертка структуры, функционирования и развития системы. Мы фиксируем неравновесность системы, ее связей (внутренних и внешних), бифуркационные зоны (отдельные бифуркации и их каскады), разброс возможностей, активность субъектов выбора, аттракторы.

В проблеме свободы речь идет как раз о выборе субъектом возможностей дальнейшей эволюции системы «индивид–социум». Подавляющее большинство выборов, которые делают люди в реальной истории, это опрометчивые поступки, которые добавляют в систему хаос (увеличивают ее энтропию). Великие открытия И. Пригожина, Г. Хакена, Б. Белоусова, А. Жаботинского, Л. Онсагера, Э. Янча, Э. Ласло, С. П. Курдюмова и др. в развитии принципов нелинейного мышления позволили понять, что «порядок», действительно, может реализоваться только «через флуктуацию», через случайность, «через хаос». Это означает, что своим «выбором» люди запускают надличностный механизм «отбора». Следует, однако, сказать, что механизм социального отбора «заводится» не только от свободного выбора субъектов, но и от любого другого резонансного импульса, будь то извержение вулкана или богатый улов рыбы. Разница в том, что в случае свободного (автономного и осознанного) выбора субъекта механизм социального отбора работает как суперотбор, а в других случаях как простой отбор или даже как естественный отбор. В социуме проявляется множество видов отбора. «Суперотбор включается, когда к свободе “добавляется” такая важная качественная характеристика как *ответственность*» [10, с. 16].

Итак, существуют, очевидно, как минимум два уровня свободы: свобода как «познанная необходимость» и свобода как «познанная случайность». В качестве примера разберем соотношение прав и обязанностей – важнейших символических форм, формализованных и институционализированных видов деятельности людей в обществе. Права обозначают или символизируют формальную сторону социального статуса (роль, положение личности в обществе), а обязанности – содержание деятельности, которая должна обеспечивать эти права. Так же, как противоречие

между трудом и капиталом, глубоко проанализированное в свое время К. Марксом, противоречие между правами и обязанностями обнаруживается в системе распределения функций между людьми. В несовершенной организации социума кто-то работает, а кто-то присваивает в той или иной форме результаты его труда; кто-то обременен обязанностями, а кто-то пользуется обеспеченными за счет этого правами. В проблеме соотношения свободы и ответственности подобного рода противоречия можно рассматривать лишь как частное проявление, поскольку свобода и ответственность – это глубинные, сущностные, необходимые элементы социума как системы воспроизводства общественного бытия. И свобода, и ответственность проявляются как исторические феномены и выражают характер как «познанной необходимости», так и «познанной случайности». Важно подчеркнуть, что познание включает весь комплекс деятельности – от наблюдения до преобразования объекта, поскольку иначе сущность не проявит свою многообразную природу; также следует учесть, что свобода на разных уровнях предполагает необратимость и направленность изменений, причем необратимость становится важным компонентом такой характеристики свободной деятельности человека как ответственность.

В социуме соотношение свободы и ответственности существует и проявляется исключительно в «превращенной исторической форме» [11, с. 507] – в виде соотношения прав и обязанностей, труда и капитала, нравственности и морали, гражданского общества и государства, семьи и брака и т.д. «Характерным движением капитала, – пишет Маркс, – как в процессе производства, так и в процессе обращения – является возвращение денег или товаров к их исходному пункту, к капиталисту. Это выражает, с одной стороны, реальный метаморфоз, состоящий в том, что товар превращается в условия своего производства, а условия производства снова превращаются в форму товара: воспроизводство; с другой стороны – формальный метаморфоз, состоящий в том, что товар превращается в деньги, а деньги снова превращаются в товар» [11, с. 477]. Взаимные превращения (метаморфозы) труда и капитала можно объяснить через посредство соотношения прав и обязанностей и, в конечном счете, через свободу и ответственность. Если в идеале права (в превращенной форме капиталистического производства – это капитал) в социуме должны формироваться и распределяться посредством соответствующей меры выполненных людьми обязанностей (труд), то в реальной жизни производство, распределение, обмен и потребление труда (в виде благ, ресурсов) на деле таково, что

правами преимущественно обеспечиваются субъекты, почти не занятые выполнением социальных обязанностей (капитал создают одни – эксплуатируемые, а пользуются – другие). Речь идет не о разделении труда, а об эксплуатации, т.е. о присвоении прибавочной стоимости капиталистами.

Мы имеем дело с содержательным проявлением превращенных форм свободы и ответственности, с их феноменологически необходимыми формами, поскольку в этих формах обнаруживаются «...проявления существенных отношений» [12, с. 547] в условиях, когда последние накладываются друг на друга и подвергаются *искажению* – часто весьма существенному. Другой пример: свобода в рамках семьи представляет собой выбор форм ответственности, например, в виде брачных отношений. Семья как система родства предполагает эволюцию, или исторический переход от одной системы родства к другой, более развитой. Когда возник запрет на инцест, брат и сестра могли состоять в одной семье, но не могли уже войти в брачные отношения. Табу здесь представляло собой организационную форму ответственности, которую в рамках семьи приходилось каждому члену семьи выбирать и осваивать. Здесь также возможны искажения, но если в экономике с искажениями, или безответственным поведением, мирятся, то в семейных отношениях такое безответственное поведение табуировано. Появление феномена ответственности в разных его исторических формах и социальных институтах обозначает мощный водораздел между популяцией животных и человеческим обществом.

Одной из задач социальной синергетики является обоснование возможности гармонии свободы и ответственности через гармонию прав и обязанностей, труда и капитала и пр. Безусловно, такая гармония явилась бы высшей общечеловеческой и общекультурной ценностью. Для этого также необходимо определиться с разными уровнями свободы. С точки зрения абстрактно-всеобщего, здесь возможны два уровня: познанная необходимость как низший уровень и познанная случайность как высший уровень. Рассмотрим, как ответственность за выбор (свобода как познанная необходимость) восходит к ответственности за отбор (свобода как познанная случайность). И то, и другое следует представить в виде организационных уровней (в рамках структуры общественного производства). Таков уровень абстрактно-всеобщего относительно рассмотренных форм ответственности. Попытаемся перейти к формам конкретно-всеобщим, т.е. к конкретным организационным формам решения тех или иных проблем.

Исторические формы производства хорошо представлены классиками марксизма. Капитал

есть организация производственных отношений в виде стоимостных отношений, иначе говоря, отношений, подчиненных закону стоимости. К. Маркс определил капитал как стоимость, приносящую прибавочную стоимость. Его взгляд на понятие стоимости возьмем за основу: стоимость – это общественный (абстрактный) труд товаропроизводителей, воплощенный в товаре – продукте труда, который удовлетворяет потребности агентов рынка (покупателей и продавцов). Таким образом, нам предстоит сформулировать виды и уровни свободы субъектов общественного товарного производства. Покупая или продавая товар, т.е. вступая в стоимостные отношения, субъект выбирает определенную возможность в рамках «познанной необходимости», иначе говоря, только в границах возможностей товарного обмена (рынка). Необходимость в этом случае предстает в виде границ возможностей, за которыми исчезает товарная форма отношений, т.е. там она невозможна.

Знание или ощущение этих границ возможностей дает субъекту свободу маневра (такова свобода предпринимательства). Капиталист рискует своим капиталом, но чаще вознаграждается, получая прибыль за счет прибавочной стоимости, т.е. за счет неоплаченного труда (эксплуатация наемного труда), за счет конъюнктуры рынка, колебаний цены товара рабочей силы и пр. Проявляется его (капиталиста) ответственность, но ведь только за свой выбор. Так называемый «свободный западный мир» сформировался в рамках ответственного поведения субъектов, которые действительно оказывались суверенными в рамках своего личного выбора. Это великий исторический прогресс и прорыв в «царство свободы». Но, как показывает история, человечество, чтобы успешно самореализоваться, должно совершенствоваться, не останавливаться, а делать следующий шаг вперед. Таким «шагом» является новая, более высокая ступень в развитии свободы, в котором она представлена «познанной случайностью в рамках закономерности», когда субъект несет ответственность уже не только за свой персональный выбор, а за отбор, за то, что случилось в ситуации, где присутствует его частный выбор, его индивидуальный поступок.

Так, человек, нарушивший правила дорожного движения, перебежавший улицу на красный свет, должен, в идеале, отвечать за все, что случилось в итоге (авария с травмами участников дорожного движения), а не только за то, что он выбрал (пошел на запрещающий сигнал светофора). Перед нами два уровня ответственности, или два уровня свободы: низший уровень определяется нами как «познанная необходимость»

и определяется как ответственность за выбор, а высший уровень определяется как «познанная случайность в рамках закономерности» или ответственность за отбор (за все, что случилось). Деятельность в рамках предвидения всего, что случится в результате того или иного частного поступка (выбора), – это высший уровень свободы и ответственности субъекта. В условиях глобализации мирового сообщества эта проблема становится особенно актуальной, поскольку все больше частных поступков носят глобальный и нередко фатальный характер.

Для уяснения такого конструкта как ответственность за отбор (свобода как познанная случайность) будет также полезна экзистенциалистская метафора ответственности (ее находим, скорее всего, в идейном наследии Сартра): мы не выбирали, родиться на свет или нет, однако вынуждены нести ответственность за любой наш выбор в жизни. С точки зрения социальной синергетики, в этой метафоре присутствует как отбор, так и выбор. Отбор случается, когда мы появляемся на свет (природа и социум нас отобрали для жизни), а выбор относится уже к нашим проявлениям как субъектов. Вроде бы мы не можем нести ответственность за то, что нам помимо нашей воли случилось родиться. Но в противном случае мы потеряем привилегии «естественных прав» на жизнь, свободу и собственность. Стало быть, в высшем смысле нам надлежит принять помимо ответственности за выбор также ответственность за отбор, т.е. за все то, что находится вне непосредственной воли индивида.

Свобода как познанная необходимость, включающая только ответственность за выбор, насыщена рисками кризисов, обострения конфликтов и противоречий, что характерно для любого современного экономического строя. Представить новый, более сложный, уровень свободы – свободы как познанной случайности – позволяет понятие «ответственности за отбор». В этом случае, очевидно, следует принять синергетическое требование к субъекту выбора, сформулированное С. П. Курдюмовым и Е. Н. Князевой, а именно: чтобы получить потребный результат в процессе социального отбора, «необходима определенная топология воздействия» (где нам следует совершить.), «определенный укол среды в надлежащих местах и в определенное время» [13, с. 304]. Вышеприведенные В. П. Бранским примеры по поводу философского определения свободы как раз показывают, насколько человеческий разум «хитер», сталкивая между собой разные природные и социальные законы и тенденции. Ответственность за отбор, или свобода как

познанная случайность, предполагает создание такой организации общественного производства, которая бы позволила исключить нежелательные (фатальные) случайности, социальные конфликты и антагонизмы, как это имело и имеет место, в частности, в истории экономики и в системах родства. Происходит изменение или даже переворот общеизвестной тривиальной формы ответственности, ярко выраженной в пословице «хотели как лучше, а получилось как всегда», где предвидение необходимости ограничивается покорностью людей перед судьбой, поскольку ни человек, ни общество не способны бороться с «повелевающей силой Рока», где «от судеб защиты нет» (А. С. Пушкин). Этот переворот концептуально выражен в новой формулировке свободы и ответственности, заявленной петербургской школой социальной синергетики.

Задача, стоявшая перед нами, а именно показать, что ответственность за выбор (свобода как познанная необходимость) сводится к ответственности за отбор (свобода как познанная случайность), привела к тому, что мы обнаружили особую ценность высшей свободы и проистекающей из нее высшей ценности ответственности.

Список литературы

1. Синергетическая философия истории / под ред. В. П. Бранского и С. Д. Пожарского. Рязань, 2009. 314 с.
2. Семашко Л. М. Тетрасоциология : ответы на вызовы. Переход плюрализма от теории к технологии, от расизма к сопротивлению, от постмодернизма к постплюрализму. 1-е изд. СПб., 2002. 208 с.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. 432 с.
4. Бранский В. П., Пожарский С. Д. Глобализация и синергетический историзм. Синергетическая теория глобализации. СПб., 2004. 400 с.
5. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы : избр. тр. / отв. ред. Ф. В. Константинов, Б. Ф. Ломов, В. Б. Швырков. М., 1978. 399 с.
6. Чернова Т. Г. О соотношении свободы и необходимости // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 2 (18). С. 20–24.
7. Бранский В. П. Искусство и философия : роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград, 1999. 704 с.
8. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М., 2000. 639 с.
9. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М., 1998. 480 с.
10. Бусов С. В. Категориальная структура проблемы сво-

- боды // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 13–18.
11. Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1964. Т. 26, ч. III. 674 с.

12. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. 907 с.
13. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб., 2002. 414 с.

Образец для цитирования:

Бусов С. В. Проблема свободы как познанной случайности в рамках закономерности: синергетический анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 258–265. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-258-265.

The Problem of Freedom as the Known Accidental in the Framework of Regularities: Synergetic Analysis

S. V. Busov

St. Petersburg National Research University
of Information Technologies, Mechanics and Optics
49, Kronverkskiy ave., St. Petersburg, 197101, Russia
E-mail: swbusoff@mail.ru

Freedom in synergetics meaning was defined as a specific analogue of accidental, as a factor changing the ratio of evolutionary capabilities of the system. Freedom emerges only under the super-selection's conditions that is under the control of the subject over the variety of forms of selection and ultimately over the course of social evolution. The problem of the article partly reduces to the position that causes the debates about the freedom on the issue of known accidental. There appeared a new, more sophisticated level of freedom as a known accidental which assume a new level of responsibility - responsibility for the selection. In this connection becomes actual the synergetic requirement to a subject of selection which receives the needful result only making a «definite injection in environment in the right places and at certain times» S. P. Kurdyumov, E. N. Knyazeva). The responsibility for the selection or the freedom as a known accidental implies the creation of such an organization of social production which allows in the context of social development to foresee and exclude dangerous accidents such as severe crises, wars and catastrophes. The task set us in the article has been reduced to the fact of showing that the responsibility for the choice (freedom as a recognized necessity) is reduced to the responsibility for the selection (freedom as a known accidental). The research has led us to the fact that we found the particularly value of the highest freedom and responsibility arising out of it.

Key words: freedom, responsibility, necessity, accidental, evolution, social production, choice, social selection, super-selection.

References

1. *Sinergeticheskaya filosofiya istorii* [The Synergetic Philosophy of History]. Ed. by V. P. Branskiy, S. D. Pozharskiy. Ryazan, 2009. 314 p. (in Russian).
2. Semashko L. M. *Tetrasotsiologiya: otvety na vyzovy. Perekhod pluralizma ot teorii k tekhnologii, ot rasizma k soprotivleniu, ot postmodernizmu k postpluralizmu* [Tetrasociology: answers the challenges. The transition of pluralism from theory to technology, from racism to resistance, from postmodernism to postpluralizmu]. St. Petersburg, 2002. 208 p. (in Russian).
3. Prigogine I. R., Stengers I. *Order out of Chaos. Man's new Dialogue with Nature*. Toronto; New York; London; Sidney, 1984. 349 p.
4. Branskiy V. P., Pozharskiy S. D. *Globalizatsiya i sinergeticheskiy istorizm. Sinergeticheskaya teoriya globalizatsii* [Globalization and synergetic historicism. Synergetic theory of globalization]. St. Petersburg, 2004. 400 p. (in Russian).
5. Anokhin P. K. *Filosofskie aspekty funktsionalnoy sistemy: izbranye trudy* [Philosophical Aspects of the Functional System Theory: selected works]. Ed. by F. V. Konstantinov, B. F. Lomov, V. B. Shvyrkov. Moscow, 1978. 399 p. (in Russian).
6. Chernova T. G. *O sootnoshenii svobody i neobkhodimosti* [On the Relation between Freedom and Necessity]. *Vestn. Perm. un-ta. Ser. Filosoliya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of the University of Perm. Ser. Philosophy. Psychology. Sociology], 2014, iss. 2 (18), pp. 20–24 (in Russian).
7. Branskiy V. P. *Iskustvo i filosofiya: rol filosofii v formirovani i vospriyatii khudozhestvennogo proizvedeniya na primere istotii zhivopisi* [Art and philosophy: the role of philosophy in the creation and perception of art on the example of the history of painting]. Kaliningrad, 1999. 704 p. (in Russian).
8. Sartre J.-P. *Être et le Néant. Expérience d'une ontologie phénoménologique* [Being and Nothingness. Experience of a Phenomenological Ontology]. Paris, 2008. 675 p. (Russ. ed.: Sartr Zh.-P. Bytie I nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii. Moscow, 2000. 639 p.).
9. Moiseev N. N. *Rasstavanie s prostotoy* [Parting with Simplicity]. Moscow, 1988. 480 p. (in Russian).
10. Busov S. V. *Kategorialnaya struktura problemy svobody* [The Categorical Structure of the Problem of Freedom]. *Izv. Saratov. Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2015, vol. 15, iss. 4, pp. 13–18. (in Russian).
11. Marx K. *Theorien über den Mehrwert* (vierter Band des «Kapitals»). Marx K., Engels F. *Ausgabe*: in 43 Bd. Berlin, DDR, 1968. Bd. 26-III. 663 S. (Russ. ed.: Marx K. Teoriya pribavochnoy stoimosti. Marx K., Engels F. *Soch.*: v 50 t. 2-e izd. Moscow, 1964, vol. 26, pt. III. 674 p.).
12. Marx K. *Das Kapital*. Marx K., Engels F. *Ausgabe*: in 43 Bd. Berlin, DDR, 1962. Bd. 23. S. 11–802. (Russ. ed.: Marx K. Kapital. Marx K., Engels F. *Soch.*: v 50 t. 2-e izd. Moscow, 1960, vol. 23. 907 p.).
13. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. *Osnovaniya sinergetiki. Rezhimy s obostreniem, samoorganizatsiya, tempomiry* [The grounds of synergy. The regimes with sharpening, self-organization, tempo-world]. St. Petersburg, 2002. 414 p. (in Russian).

Cite this article as:

Busov S. V. The Problem of Freedom as the Known Accidental in the Framework of Regularities: Synergetic Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 258–265. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-258-265.